

Леонтьева Ксения Ивановна

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД И ГЕНДЕР: АДАПТАЦИЯ В ФОРМАТЕ " WOMAN/ MANHANDLING"

Статья посвящена проблеме влияния гендерного фактора на смысловую трансформацию художественных текстов, эксплуатирующих гендерные стереотипы, при переводе. На примере "мужского" перевода "женского" стихотворения анализируются возможные причины элиминации и модификации при переводе гендерномаркированных смыслов. В центре анализа проблема намеренной, мотивированной исключительно идеологическими факторами адаптации текста в формате "woman- / manhandling".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 133-135. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'255.2

Филологические науки

Статья посвящена проблеме влияния гендерного фактора на смысловую трансформацию художественных текстов, эксплуатирующих гендерные стереотипы, при переводе. На примере «мужского» перевода «женского» стихотворения анализируются возможные причины элиминации и модификации при переводе гендерномаркированных смыслов. В центре анализа проблема намеренной, мотивированной исключительно идеологическими факторами адаптации текста в формате «woman- / manhandling».

Ключевые слова и фразы: гендер; гендерные стереотипы; адаптация; идеология; художественный перевод; поэтический перевод.

Ксения Ивановна Леонтьева

Кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин

Московский институт государственного управления и права (филиал) в г. Смоленске

ksenja_leontieva@mail.ru

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД И ГЕНДЕР:
АДАПТАЦИЯ В ФОРМАТЕ «WOMAN- / MANHANDLING»©**

Понятие «гендер» – категория постмодернистской парадигмы, введенная для обозначения так называемого социокультурного пола, отражающего «социальные, культурные и эмоционально-психологические аспекты, которые можно соотнести с чертами, нормами, стереотипами и ролями, считающимися характерными или желаемыми для тех, кого общество считает мужчинами или женщинами» [2, с. 15].

Несмотря на актуальность гендерных исследований в современной лингвистике, в отечественной теории перевода гендерная проблематика практически не затрагивалась, а немногочисленные существующие работы посвящены в основном анализу лексическо-грамматической и эмотивной специфики женских и мужских переводов. Единственными работами (по нашим данным), в которых гендерная проблематика раскрывается с точки зрения смылообразовательной роли гендерномаркированных единиц, фиксирующих в тексте гендерные стереотипы, идеалы и ценности, актуальные для представителей культур ИЯ и ПЯ, являются диссертация И. В. Денисовой [4] и критическая статья М. Елифёровой [5]. Между тем, представляется, что именно этот аспект для теории художественного перевода особенно важен: гендерные стереотипы маскулинности и фемининности (в первую очередь, их пародирование и деконструкция – по принципу эстетики противопоставления), в случае их фиксации в тексте ПЯ в форме аксиологически окрашенных коннотаций, будут составной частью оригинального параметра поэтичности (художественности), и рекреация подобной гендерной метафоры будет одним из условий успешного перевода.

Категории маскулинности и фемининности, в которых традиционно осмысливается гендер, безусловно, являются универсальными концептами и соответственно присутствуют и в культуре ИЯ, и в культуре ПЯ. Однако механизмы их конструирования (стереотипизация, аксиологическое шкалирование гендера, регламентация социальных ролей мужчины и женщины и т.д.) в культурах ИЯ и ПЯ будут во многом отличны, что обусловлено, с одной стороны, асимметрией языковых систем ИЯ и ПЯ, а с другой – различием транслируемых гендерномаркированными единицами ИЯ и ПЯ культурных смыслов [3; 6]. Соответственно в аспекте гендерных стереотипов маскулинности и фемининности дискурсивные среды реципиентов ИЯ и ПЯ (как набор факторов экстра-, прагма- и психолингвистического порядка, предопределяющих формирование идиопроекции «тела» текста) могут не сингармонизировать (т.е. будут неконгруэнтны), что может стать причиной достаточно радикальной трансформации текста при переводе – в целях его социокультурной адаптации к ценностно-идеологической сетке культуры ПЯ.

Более того, хотя гендерные стереотипы, в принципе, являются продуктом *коллективного* сознания, осмысливаются они исключительно сквозь призму *личного* опыта каждого индивида (автора, реципиента ИЯ и ПЯ, переводчика), то есть в определенной степени в модифицированном виде относительно культурно обусловленных, созданных *коллективным* сознанием стереотипов [6, с. 12]. А это позволяет говорить об *a priori* девиантной интерпретации и различной эстетической оценке эксплуатируемых автором гендерных стереотипов уже не только на *интер*-, но и на *интра*культурном уровне – переводчиками-мужчинами и переводчиками-женщинами как представителями одной и той же культуры, но различных гендерных сообществ.

В западных работах, написанных в идеологических рамках феминизма [8; 9; 11; 13], неоднократно отмечалось, что достаточно часто *женщины*-переводчики создают радикально инновативные переводы, причем не по причине языковой или социокультурной асимметрии, а чисто в идеологических целях борьбы за политическое и социальное влияние – например, через трансформацию маскулинности, доминирующей в тексте ИЯ, в фемининность, через иронизацию стереотипов маскулинности и фемининности, актуальных для креатора-мужчины и зафиксированных в тексте ИЯ через коннотации языковых знаков, и т.д. Подобная стратегия, получившая название «*womanhandling*» [11], изначально ориентирована на «видимость» переводчика.

Представляется, что аналогичный термин, но уже в формате «*manhandling*», может быть использован и в отношении некоторых переводов женских текстов, выполненных мужчинами. По своему характеру подобная стратегия также будет адаптивной, однако цель адаптации в данном случае будет заключаться не в оптимизации рецептивной фазы перевода (как в случае социокультурной адаптации, когда имеет место определенная интеркультурная асимметрия на уровне актуальных для социокультурной общности ИЯ и ПЯ гендерных стереотипов и сложившихся в рамках каждой культуры гендерных отношений), а скорее в «фильтрации» текста в соответствии с актуальными для *конкретного* переводчика как представителя *конкретной* гендерной субкультуры ценностными предпочтениями и стереотипами.

Примером реализации подобной стратегии может служить перевод стихотворения «*Little Red-Cap*» известной английской поэтессы Кэрол Энн Даффи, выполненный женщиной (переводчик – Дж. Катар) [1, с. 385-387].

В этом тексте очевидна попытка деконструкции привычных гендерных стереотипов, причем осуществляется она путем эксплуатации традиционных сказочных архетипов. Как известно, в сказке про Красную Шапочку более сильной фигурой был Волк. По мнению К. Э. Даффи, за счет этого данная сказка в полной мере отражает господство мужчин над женщинами на протяжении всей истории английской литературы. И в тексте К. Э. Даффи происходит *смена* классических гендерных ролей: Волк из злодея превращается в достаточно добродушного персонажа; при этом на первый план выходит сама Красная шапочка, которая из глупой маленькой девочки трансформируется в умную молодую девушку, что позволяет развернуть ракурс композиции с критики её ошибок (как в сказочном претексте) на её успехи. В результате доминирующим персонажем становится именно женский архетип [10, р. 20].

При этом, как известно, до недавнего времени вообще вся западная культура (а не только английская литература) определялась как «мужская» цивилизация производства, абсолютизовавшая идеологию гегемонной маскулинности. Фемининность также была идеализирована, но противоположным образом – до подчеркнута приспособленческого, пассивного типа: среднестатистическая женщина, слабая и незащищенная, воспринималась скорее не как идентичная личность, а как объект потребления. Соответственно, какая-либо реализация женщины вне рамок социальной роли матери и домохозяйки, в том числе в творчестве (в частности, в поэзии), стереотипизировалась как гендерно неспецифическая. В постмодернистской литературе начала 1970-х подобный андроцентризм привел к возникновению так называемого интеллектуального феминизма («женского письма», феминистической критики), в рамках которого была реализована попытка уравновесить привычную фаллоцентричную категоризацию социальной реальности соблазном женственности [7, с. 97]. Представительницей этого течения и является К. Э. Даффи, что для перевода данного текста также имеет критическое значение.

В аспекте гендера особенно интересны следующие строки стихотворения:

*At childhood's end, the houses petered out
Into playing fields, the factory, allotments
Kept, like mistresses, by kneeling married men...*

На окраине детства дома постепенно редуют,
Уступая спортивным площадкам, фабрикам, огородам
(Которые **отцы семейства** содержат, **как женщин**)...

Слово «*mistress*», которое в тексте ПЯ переводится как «*женщина*», многозначное, но для нас важны исключительно три его значения: 1) *a woman in a position of authority or control*, т.е. госпожа – женщина, обладающая властью по отношению к зависимым от неё людям; 2) *a woman (other than the man's wife) having a sexual relationship with a married man*, т.е. любовница; 3) *a woman loved and courted by a man*, т.е. возлюбленная (в данном значении слово является поэтизмом) [12]. Представляется, что первое из указанных выше значений *наиболее* актуально в свете художественной идеи стихотворения, а второе и/или третье вероятностны в контексте соседнего образа «стоящих на коленях *женатых* мужчин» («*kneeling married men*»). При этом парцелляция фразы «*like mistresses*», благодаря которой происходит выдвигание данной лексики в тексте ИЯ, равно как и композиционная постройка образа женщин перед образом мужчин усиливают значимость именно первого из указанных значений: уже в этой фразе разыгрывается смена гендерных ролей, и происходит наделение властью именно женского архетипа. Отдельно отметим, что здесь был изначально возможен *прямой* порядок слов, что обусловлено верлибрической природой анализируемого стихотворения, освобождающей поэта от необходимости использовать инверсию как средство преодоления формальных ограничений, налагаемых слоговыми рамками метрического стиха. Соответственно, порядок следования образов, фиксируемый синтаксической спецификой строки, здесь является смыслообразующим элементом, и ретрансляция его смыслообразовательной роли реципиенту ПЯ необходима – для сохранения художественной идеи текста.

Что касается текста перевода, то, во-первых, используемый переводчиком генерализированный вариант «*женщина*» в принципе не позволяет ретранслировать реципиенту ПЯ указанной смысловой неопределенности английского слова «*mistress*». Во-вторых, «*женатые мужчины*» («*married men*») лишаются в тексте ПЯ во многом унижительной (и это важно) характеристики «*kneeling*» и при этом превращаются в добропорядочных

«отцов семейства». С этой точки зрения, такие варианты перевода «mistress» как «госпожа» и «любовница» делают потенциально возможной актуализацию смыслов, конфликтных по отношению к сконструированному переводчиком образом маскулинности, чем, в частности, и могла быть мотивирована замена слова «mistresses» на обобщенное и коннотативно нейтральное «женщины». Параллельно происходит выдвигание именно мужского образа на передний план, что в принципе лишает реципиента ПЯ возможности осознать, что в тексте «разыгрывается» своего рода гендерная «революция».

Подобная трансформация текста не кажется случайной: об этом говорит, в частности, взаимосвязь осуществленных переводчиком замен. Вероятно, здесь действительно имела место стратегия «manhandling», мотивированная факторами сугубо идеологического (в политизированной трактовке понятия «идеология») порядка, ведь, по сути, в переводе произошла «нормализация» текста, его идеологическая «фильтрация» в полном соответствии с актуальными для переводчика-мужчины (как представителя противоположной относительно автора-женщины гендерной субкультуры) предпочтениями.

Безусловно, если исходить из того, что гендер является «плавающим» [6] фактором, который в каждом конкретном коммуникативном акте проявляется по-разному и с разной степенью интенсивности, то механизмы его конструирования теоретически бесконечно вариативны, соответственно и интерпретация и эстетическая оценка текстов, построенных на остраивающей эксплуатации тех или иных гендерных стереотипов каждым новым антропоцентром (переводчиком и реципиентом), будет *a priori* в той или иной степени девиантной относительно авторской концепции. Соответственно, при переводе текстов, созданных авторами противоположного (по отношению к переводчику) пола, ряд гендерномаркированных смыслов *a priori* не может быть распределен самим переводчиком (в силу иного гендера) и потому не будет ретранслирован реципиенту ПЯ. Однако если речь идет о намеренной модификации или элиминации гендерномаркированных смыслов, что, вероятно, и имело место в переводе Дж. Катара, говорить следует уже о намеренной идеологической адаптации в формате «woman- / manhandling».

При реализации подобной стратегии перевода происходит «навязывание» реципиенту ПЯ актуальной для переводчика и его гендерной субкультуры идеологии, ценностей и стереотипов. А это лишает текст перевода потенциальной множественности эстетического эффекта (свойственной оригиналу), которую, между тем, презюмирует большинство современных поэтических и художественных текстов, созданных в рамках характерной для модернизма и постмодернизма эстетики противопоставления. Вопрос, можно ли подобные переводы считать переводами в полном смысле этого слова, – риторический.

Список литературы

1. В двух измерениях: современная британская поэзия в русских переводах / сост. С. Дагдейл, Г. М. Кружков. М.: НЛЮ, 2009. 528 с.
2. Воронина О. А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. М.: МЦГИ, 2001. С. 13-95.
3. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: дисс. ... д-ра филол. наук. Новгород, 2005. 405 с.
4. Денисова И. В. Особенности передачи гендерного аспекта в переводе художественного произведения: дисс. ... канд. фил. наук. Челябинск, 2011. 183 с.
5. Елифёрова М. «Багира сказала...»: гендер сказочных и мифологических персонажей англоязычной литературы в русских переводах // Вопросы литературы. 2009. № 2. С. 254-277.
6. Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 330 с.
7. Скоропанова И. С. Фаллоцентризм как объект осмеяния в пьесе Людмилы Петрушевской «Мужская зона» // Преображение: русский феминистский альманах. 1998. № 6. С. 97-100.
8. Arrojo R. Fidelity and the Gendered Translation // TTR: Traduction, Terminologie, Rédaction. 1994. Vol. 7. № 2. P. 147-163.
9. Chamberlain L. Gender Metaphorics in Translation // Encyclopedia of Translation Studies / ed. by M. Baker. L.: Routledge, 1998. P. 93-96.
10. Forbes P. Winning Lines // The Guardian. 2002. 31 August.
11. Godard B. Theorizing Feminist Discourse/Translation // Translation, History and Culture / ed. by S. Bassnett, A. Lefevere. L.: Frances Pinter, 1990. P. 87-96.
12. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. 8th ed. Oxford University Press, 2010. CD-ROM.
13. Simon S. Gender in Translation: Cultural Identity and the Politics of Transmission. L.: Routledge, 1996. 208 p.

LITERARY TRANSLATION AND GENDER: ADAPTATION IN FORMAT “WOMAN- / MANHANDLING”

Kseniya Ivanovna Leont'eva

Department of Classical and Natural Science Disciplines
Moscow Institute of State Management and Law (Branch) in Smolensk
ksenja_leontieva@mail.ru

The author considers the problem of gender factor influence on the semantic transformation of literary texts that exploit gender stereotypes while translating, by the example of the “male” translation of a “female” poem analyzes the possible reasons of elimination and modification while translating gender-marked meanings, and puts in the center of the analysis the problem of the deliberate, motivated by purely ideological factors adaptation of text in the format “woman- / manhandling”.

Key words and phrases: gender; gender stereotypes; adaptation; ideology; literary translation; poetic translation.